

наш крупный рогатый скот, женского и мужского пола, малый и большой, до отда(11)чи и представления полностью вышеупомянутого количества вина, без сгора. Для твоей уверенности мы составили это удостоверение, (12) как выше значится. Аврелия Асанефь, дочь Памуфа, и ее сыновья, Аврелий Памуф и Дий, вышеназванные, составили (13) это удостоверение о четырехстах койс вина и считаем себя связанными всем в ней написанным, как выше значится (14). Я, Флавий Пелит, сын Данилия, по просьбе вышеназванных лиц написал за них, как не знающих грамоты, (15) я же и оформил документ. Писано в месяце епиф, 30-го, 15-го индикта.

(Надпись на обороте): Удостоверение, составленное Асанефой.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт

ПАРФЯНСКИЕ КРЕПОСТИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(Из материалов работ ЮТАКЭ)

Известия античных авторов о парфянских городах, крепостях и поселениях крайне скудны. Предприимчивых купцов или отважных военных лазутчиков, пересекавших обширные пространства парфянских владений, на каждом шагу подстерегали опасности: жажда и нестерпимый зной, хищные животные и ядовитые гады, пески пустыни и тяжелые заболевания. Но главную опасность представляли сами парфяне, воинственные и заносчивые, ревниво оберегавшие свою независимость и монополию на великие караванные пути, которые соединяли средиземноморский мир с центрально-азиатским. Неприступность границ и дорог для чужезмцев гарантировала парфянскому купечеству роль экономического посредника между странами Ближнего и Среднего Востока, земледельцам и скотоводам — безопасность в смысле нападения внешних врагов, военному сословию — возможности вторжения в чужие пределы при свободном маневрировании на собственной территории. На стародавнюю тактику парфян по завлечению врага в глубь своей страны с последующим контрнаступлением и разгромом его указывал товарищ Сталин¹.

В конечном счете осведомленность историков и географов греко-римского круга о Парфии не выходила за пределы самых общих крайне нечетких представлений. Раскрыть и понять особенности парфянской культуры помогла сама Парфия, заговорившая языком своих памятников под пристальным взором советских археологов. Археологические исследования в течение первой послевоенной пятилетки на территории Южного Туркменистана, т. е. области бывшего обитания коренных парфянских племен, выявили большое количество памятников одной из полузабытых цивилизаций. Интересные данные, в частности, получены были в отношении парфянской крепостной архитектуры.

Наличие развитых традиций крепостного строительства на территории, далеко отстоявшей от границ с могущественными соседями — Римом на западе и государством Кушан на востоке — красноречиво свидетельствует, что сложение их обусловлено было не столько опасениями вторжения внешних врагов, сколько причинами внутреннего порядка. Сама организация парфянского государства таила в себе элементы почти постоянных внутренних раздоров и межплеменной борьбы. Последняя вызвана была в значительной мере тем, что уже в III в. до н. э. парфянское государство в его общих границах представляло род военно-административного объединения, которое, подобно империи Александра, представляло «...конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². Остатки парфянских крепостей, сохранившихся

¹ См. И. В. Сталин, Ответ т. Разину, «Большевик», 1947, № 3, стр. 8.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

на территории Парфияны (современная Ашхабадская область), Апаварктикены (Гаакинский район), Маргианы (Марыйская область) — наглядное свидетельство неспокойной обстановки в н у т р и самого парфянского государства. Именно внутренняя борьба подтачивала устои парфянского государства и привела на грани нашей эры к низвержению старшей ветви Аршакидской династии и временному распаду государства на ряд отдельных, полунезависимых областей, а в III в. н. э. — к крушению ослабшего парфянского царства, низвергнутого коалицией южноиранских племен.

В Южном Туркменистане зарегистрированы многочисленные остатки крупных и малых парфянских крепостей; иные из них были объектами специального обследования ЮТАКЭ. Некоторые данные к историко-архитектурной характеристике последних приводятся в настоящей статье.

Когда в IV в. до н. э. войска Александра вступили в Среднюю Азию, они застали в основном крепости, обведенные стенами «земляными и невысокими». Так, по крайней мере, характеризует Арриан города Согда, указывая, что исключение составлял лишь Кирополь, который, «как основанный Киром, был укреплен более высокими стенами, чем остальные»¹; взять этот город удалось лишь хитростью, — пройдя через сухое ложе реки, рассекавшей город, и разбив изнутри ворота. Города Туркменистана времени Ахеменидов характеризует либо отсутствие крепостных стен, либо также обведение их сравнительно невысокими земляными валами. Таково, например, обследованное в 1950 г. городище Кырк-тепе в Маргиане; по заключению М. Е. Массона это — «город-загон» местного кочевого населения, восходящий к VI—IV вв. до н. э. Он почти квадратен в плане и обведен валом, с часто расположенными башнями, возвышавшимися над стенами, но не выступавшими по ширине. На осях крепости лежало четверо ворот, у северного фаса располагался еще один внутренний, обведенный дополнительным валом круглый загон. Замечательно, что та же схема плана (квадрат, но с небольшим срезов северо-западного угла, четверо ворот, круглая цитадель в северной части) повторена, но в несравненно больших масштабах, в плане древнего Мерва (городище Гяур-кала с Эрк-калой). Есть основания утверждать, что осуществленное Антиохом «строительство» Антиохии Маргианской исчерпывалось наращиванием монументальных стен на периметре уже существовавшего города древних маргианцев. Изучение разреза этой стены в юго-западном углу Гяур-калы показало, что мощность ее древней основы у подошвы достигала 13 м и кладка велась с откосом около 75° из пахсы; лишь на высоте 5 м отмечается новая выкладка ее (видимо, как раз соответствующая строительству Антиоха) из характерного для Туркмении «античного» сырца квадратной формы, размерами 39—40 см на 12—14 см толщины. Эта кладка сохранилась на высоту дальнейших 7 м; выше следуют уже ремонтные кладки раннего средневековья. Однако в некоторых участках (например, в северо-западном) стена Гяур-калы на всю свою высоту (до 20 м от подошвы) сохранила старую кладку, связанную со временами селевкидского и парфянского владычества. Здесь ясно прослеживается архаичный принцип размещения на небольших расстояниях прямоугольных башен, вздымавшихся над стеной, но еще не выступавших наружу. Оплыв вершукер закрыл в настоящее время заключенные здесь помещения и площадки для стрелков, но в одном месте обвал кладки обнаружил древнюю шелевидную бойницу, перекрытую парой наклонно поставленных кирпичей, что придает ей стреловидный характер. Форма стреловидных бойниц была весьма типична в парфянской архитектуре, встречаясь в ряде крепостей; со временем она широко вошла и в архитектурную орнаментику парфянского зодчества².

Крепостные принципы Гяур-калы несут в себе ряд архаических черт. Гладкие стены со множеством бойниц, расположенных на близких расстояниях и осуществлявших лишь навесной бой, сближают их с крепостью Джанбас-кала в древнем Хорезме, датируемой С. П. Толстовым IV—III вв. до н. э.³ Специфику ее архитектуре прида-

¹ А р р и а н, Анабасис Александра, IV. 2. 3.

² См. Г. А. П у г а ч е н к о в а, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 222 сл.

³ См. С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 88 сл.

массивы возвышенных башен и наличие круглой цитадели — Эрк-тепе у северного фаса крепости. Во время осады Гяур-калу должно было защищать все мужское население города, что вполне закономерно в условиях рабовладельческого общества, сохранявшего в своем укладе многие черты патриархально-общинного строя.

За последние годы наиболее обстоятельному изучению была подвергнута Ниса, называемая Парфавнисой в дорожнике Исидора Харакского, где она перечисляется вслед за Аставеной (в районе Туса), как место погребения парфянских царей. Лаконичное упоминание этого древнего автора не дает возможности судить, что представляла собою Ниса: был ли то город или просто поселение «варварского» типа. Ответ на эти вопросы дала сама Ниса, ее руины¹.

Наполовину поглощенные полями, огородами, постройками обширного туркменского селения Багир, развалины Нисы издалека обращают на себя внимание массивами оплывших крепостных стен. Археологические исследования показали, что парфянская Ниса заключала собственно город — ныне городище «Новая Ниса» («Тязе-Нусой» по-туркменски), затем царский заповедник — ныне городище «Старая Ниса» («Койне-Нусой») и, наконец, обширный пригород полусельского типа. Территорию пригорода орошывал мощный, около 3 м в основании, глинобитный вал, включавший в свою округу обведенный крепостными стенами античный город — Новую Нису. Старая Ниса оставалась, хотя и вблизи, но все же вне этого вала и представляла собой самостоятельную мощную крепость.

Античный город Новая Ниса возник, как показала стратиграфия слоев, на месте уже существовавшего ранее поселения, археологический инвентарь которого дает так называемые «культуры Анау III и IV». Повидимому, это в известной мере определило его совершенно неправильную криволинейную конфигурацию, характерную для стихийно слагавшихся поселений Южного Туркменистана «варварского» типа (Яссы-тепе, Намазга-тепе и др.), в противовес геометризованным контурам городов, возникших уже в пору развития местной античности. В парфянскую эпоху Новую Нису обвели по старому периметру мощной крепостной стеной, фланкированной частыми прямоугольными башнями. Материалом стен служил сырцовый кирпич обычного размера. В нижних участках использовались комбинации сырцовых кладок и пахсы. Стена эта в значительной своей части функционировала в средние века и до XVIII столетия, подвергаясь на протяжении веков неоднократным ремонтам, обкладкам и переделкам, но неизменно сохраняя старую парфянскую основу. Особо был укреплен возвышенный юго-западный участок города; в парфянскую эпоху он играл роль акрополя, в средние века — кухендиша.

Территория крепости и города была, повидимому, чрезвычайно густо застроена и обжита; в местах обнажения или раскопок слоев парфянской эпохи повсеместно отмечаются руины стен из характерного крупного парфянского кирпича-сырца и фрагменты бытовой керамической утвари. В крепости обнаружены остатки больших зернохранилищ (вероятно, провиантских складов, устроенных здесь на случай осады), а также местоположение какого-то административного учреждения или канцелярии, где найдены были остатки разрозненного уже в древности архива писанных тушью на черепках хозяйственных документов.

Судить о характере внутригородской планировки пока не представляется возможным. Однако социальное расслоение городского организма вполне ощутимо. Кварталы городской знати располагались отдельно от мест обитания среднего сословия и бедноты. Жилища их были заключены в пределах цитадели — здесь обнаружены остатки жилых сооружений с обильным, изысканным керамическим материалом, службы и склады с многочисленными хумами для зерна и вин. Аристократические кварталы рас-

¹ Данные археологических работ на Нисе в 1946 г. отражены в первом томе «Трудов ЮТАКЭ». Некоторые сведения по работам следующих лет см. ИАН ОИФ, 1950, № 2, стр. 189 сл.; М. Е. М а с с о н, Некоторые новые данные по истории Парфии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 41 сл.

полагались также вне цитадели — к северо-востоку от современной аллеи, идущей от былых крепостных ворот к ныне действующему колодцу. При закладке здесь в 1936 г. шурфа А. А. Марушенко был выявлен богатый археологический инвентарь парфянской эпохи, в том числе пластинки из слоновой кости и перламутра, покрытые высокохудожественной резьбой. В северо-восточной части города близ стены располагался некрополь парфянской знати. В юго-западной размещались постройки средних и низших городских слоев. В 1949 г. здесь начато вскрытие остатков «рядового» парфянского жилого дома, давшего обильный керамический материал, довольно грубый в сравнении с изящной керамикой из верхней крепости или из некрополя. Интересно, что материалом для такого дома служил не тот сырцовый парфянский кирпич, который известен по сооружениям Старой Нисы или руинам домов в цитадели Новой Нисы и некрополе парфянской знати, но пахса.

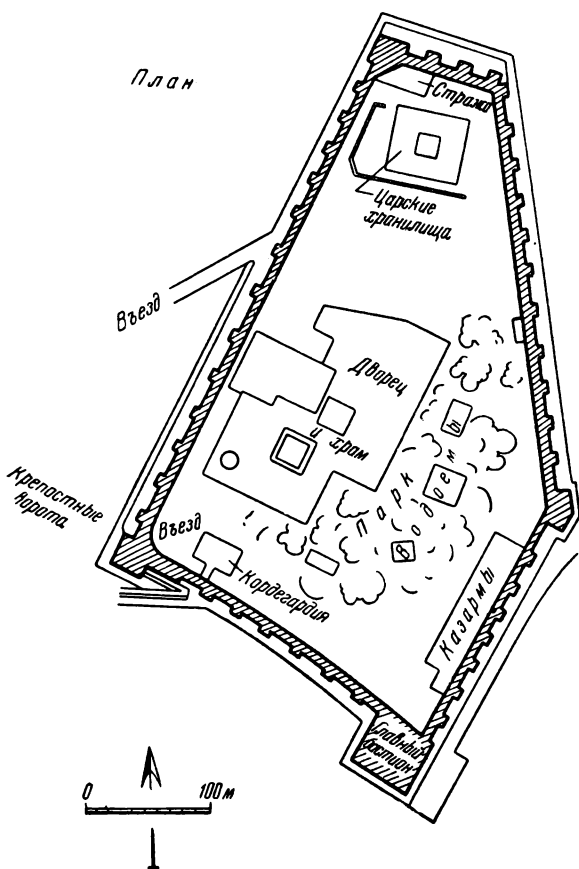

Рис. 1. Старая Ниса. План

средоточена: то были более или менее значительные усадьбы, владельцы которых, используя рабский труд, культивировали садово-огородные культуры, в частности — виноград.

Крепость Старая Ниса представляла собою комплекс особого рода. К нему, как полагает М. Е. Массон, наиболее приложим среднеазиатский термин «курук», примерно соответствующий понятию «заповедник»¹. То было место обитания самих царей или членов Аршакидской династии. Характерно, что этот комплекс не включен в пределы стены городской округи, но расположен несколько поодаль от нее, чем как бы подчеркивается особый, «запретный» характер курука. Он обнесен мощной кре-

пости или из некрополя. Интересно, что материалом для такого дома служил не тот сырцовый парфянский кирпич, который известен по сооружениям Старой Нисы или руинам домов в цитадели Новой Нисы и некрополе парфянской знати, но пахса. Повидимому, применение сырца, как более трудоемкого в изготовлении материала, было связано со строительством домов для богатей, в то время как широкие слои городского населения использовали более дешевый и простой материал — сырцовые блоки — пахсу. Полы были глинобитные, покрытые плетеной циновкой «буйрой»; имелись и балочные и сводчатые перекрытия.

При обследовании пригорода Нисы, ныне занятого садами, огородами и постройками селения Багир, кое-где были встречены типичные парфяnsкие массивные каменные базы колонн несохранившихся построек и фрагменты керамики парфянского времени, но далеко не так обильно, как в Новой Нисе. Жизнь была здесь рас-

¹ М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ИТАКЭ, I, стр. 41.

постной стеной и приподнят на возвышенной платформе, отчасти использующей естественный геологический останец, отчасти усиленной массивами глинобитной кладки так, что внутренний уровень на 5—7 м выше относительно внешнего основания стен. Крепость имеет в плане вид пятиугольника, вытянутого с севера на юг; в этом же направлении понижаются ее геодезические отметки. Она обведена стеной, фланкированной близко расположенными 43 прямоугольными башнями, размеры которых варьируют от 4—5 м до 20—35 м (бастионы на стыке углов) при ширине куртин до 25—30 м.

Материалом наружных обкладок стен служит тот же, что и на Новой Нисе, крупноплиточный квадратный сырцовый кирпич на глиняном растворе; однако основной массив выведен из сбитой глины-пахсы. Стены выложены с обычным для сырцового строительства откосом около 75°; толщина их достигает у основания 8—9 м, в верхней части — 3—3,5 м, первоначальная высота — до 15—18 м, высота башен — до 20—23 м. Башни заключали внутренние камеры, особенно значительные в угловых бастионах, игравших роль главных узлов обороны. Не исключена возможность существования проходов в толще самих стен; установить это смогут лишь раскопки. Наиболее укреплен был короткий северный фас крепости, фланкированный тремя мощными башнями, одна из которых сопрягается на северо-западном углу со смежной башней западного фаса в виде «ласточкина хвоста» — прием, широко применявшийся в античной фортификации Хорезма (крепости Аяз-кала № 1, Кургашиин-кала, Базар-кала и др.)¹. Южный бастион, судя по микрорельефу, заключал в себе целую группу помещений и, видимо, играл роль главного наблюдательного пункта против врага, наступление которого могло осуществляться от предгорий на юго-востоке.

Работами 1949 г. был уточнен вопрос о местоположении крепостных ворот, всегда представлявших наиболее уязвимое, а потому и наиболее ответственное звено обороны. Ворот в Старой Нисе было не трое и не двое, как предполагалось прежде, но один. Первоначально (в III—I вв. до н. э.) они располагались у упомянутого южного бастиона; подступ к ним осуществлялся посредством пандуса протяжением до 200 м, тянувшегося вдоль юго-восточной стены.

В первых веках нашей эры на Старой Нисе, наряду со значительным архитектурным строительством, видимо, происходили отмеченные раскопками 1946 г. работы по восстановлению и укреплению крепостных стен. В этот-то период и произошло перемещение крепостных ворот в юго-западный угол крепости. Здесь ясно прослеживается тянущийся почти на 280 м вдоль западного фаса длинный, узкий пандус, который сверху упирается в выступ мощного углового сооружения, сочетавшего в себе функции бастиона и внутривратного проезда-лабиринта, может быть, аналогичного тем, что отмечены в архитектуре крепостных ворот хорезмских крепостей (Джанбас-кала, Топрак-кала и др.). Размещение длинных пандусов вдоль линии стен соответствует одному из правил древней полиоркеттики, сформулированному Витрувием (I, 5, 2). Соблюдение его ставило врага под усиленную атаку защитников крепости на длинном протяжении узкого ската, причем в случае отступления стояла дилемма — либо удаляться по самому пандусу, либо прыгать вниз с 5—7-метровой высоты. Характерно, что в Старой Нисе пандус до высоты 3—3,5 м идет сначала наискось к середине западного фаса и лишь затем тянется на 280 м вдоль него, повышаясь еще на такую же величину.

Другой особенностью фортификации Старой Нисы является некоторый выступ ее платформы по всему периметру стен и башен на высоте 3—4 м от подошвы. Это препятствовало разрушению стен стенобитными орудиями. У подножья крепости они могли бы долбить лишь монолит платформы, поднять их к упомянутому выступу было затруднительно, а сам он не только не давал возможности свободного маневрирования громоздким таранам, но и подвергал последние опасности быть подбитыми и опрокинутыми ударами бревенчатых талей, спускаемых сверху на канатах.

Детальное изучение крепостной архитектуры Старой Нисы позволило предло-

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 102 сл.

жить графическую реставрацию ее первоначального облика¹. Среди отдельных элементов этой архитектуры заслуживает упоминания тип ее бойниц. Они располагались в верхней части башен, заключавших внутренние помещения, и стен, оборона которых осуществлялась с верхней площадки, ограниченной зубчатым парапетом. Раскопками 1946 г. была выявлена также целая группа л о ж н ы х стреловидных бойниц в верхней части платформы². Устройству последних можно дать следующее истолкование: кое-где внутри платформы, очевидно, располагались потайные камеры, в которых отсиживались особенно меткие парфянские стрелки, но для их маскировки многие десятки ложных бойниц были устроены по всему периметру крепости.

Объем раскопок, проводившихся на Старой Нисе, уже исчисляется тысячами кубометров, однако он еще слишком мал, чтобы дать четкую картину всего города.

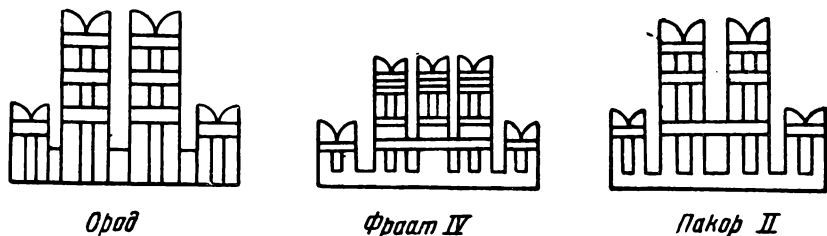

Рис. 2. Изображение крепости на парфянских монетах

Мы можем отметить лишь основные данные о размещении археологических остатков на городище. Наиболее значительный так называемый южный комплекс включает группу дворцовых помещений и храмовых построек; те и другие имеют множество подсобных помещений, связующих коридоров, открытых двориков и хозяйственных комнат. Значительно меньший северный комплекс, видимо, представлял собой культовый ансамбль. Другие менее значительные всхолмления обозначают местоположение былых построек. Одно из них во внутреннем, юго-западном углу крепости, у массива главных ворот, несомненно, было продолжением лабиринта-въезда. Вдоль внутреннего фаса юго-восточной стены скорее всего располагались казармы личной гвардии царя. В северном углу крепости, неподалеку от северного комплекса, видимо, располагались постройки для обслуживающего персонала.

В средней части крепости три глубокие ямы, несомненно, представляют собой остатки былых водоемов. Особенно значителен средний, квадратной формы, площадью около 400 м² при глубине до 4,5 м. Проблема снабжения крепости водой стояла очень остро с момента ее сооружения. Потребность в воде была значительна не только в виду возможной осады, но и в обычных условиях мирного пребывания. Вода, повидимому, подводилась под крепость на значительной глубине кяризом.

Крепостная архитектура Нисы носит характер величавой мощи, вполне соответствующей значению могущественного народа, перед которым бесславно отступали римские легионы. Не исключена возможность, что именно Ниса, родовая резиденция Аршакидов, выбита на обороте некоторых групп монет Орода I, Фраата IV и Пако́ра II³. Изображения, разумеется, чрезвычайно условны, но в них нетрудно распознать высокую платформу и возвышающиеся над стенами прямые башни, увенчанные зубцами.

Очень любопытным памятником парфянского изобразительного искусства является часть терракотовой плиты, найденной в раскопе у северо-западного участка крепост-

¹ Детальное обоснование графической реставрации крепости содержится в нашей статье «К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы», Известия АН Туркм. ССР, 1951, № 3.

² В. А. Л е в и н а, Стена и башня Старой Нисы, Труды ЮТАКЭ, I, стр. 140.

³ См. E. H e r z f e l d, Iran in the Ancient East, L., 1941, fig. 395.

ной стены Новой Нисы в 1949 г. На ней, в невысоком рельефе вырезан угол крепостной стены (или башни), увенчанной крупными прямоугольными зубцами, из-за которых выступает парфянский воин в шлеме, изображенный в профиль влево; правее сохранилась рука второго воина, как бы замахающегося дротиком. Не затрагивая иконографических деталей этой сцены, анализу которых посвящена специальная работа М. И. Вязмитиной, отметим лишь одну очень интересную деталь: украшение сохранившегося зубца круглым диском, со следами легкой, полустертой орнаментации. Вероятнее всего — это имитация умбонов, может быть, тех щитов, захваченных в качестве военных трофеев, которые, как бы в назидаение и в устрашение, нависали на стены крепости; возможно, что им придавался и магический смысл отращения зла.

Украшение стен круглыми дисками известно уже в памятниках древней архитектуры Ближнего Востока — таков был, например, храм урартийцев в Мусасире, разграбленный и уничтоженный ассирийцами в VIII в. до н. э. Пережитки этого мотива, имющего, несомненно, местное происхождение, отмечаются в строительстве Средней Азии и Ирана на ряде памятников III—VII вв. н. э. Крупные терракотовые диски, украшенные несложной штампованной рельефной орнаментацией, были обнаружены В. А. Шишкиным при раскопках Варахшского дворца; многие десятки подобных терракотовых дисков, но значительно меньшего диаметра, были собраны М. Е. Массоном при раскопках в Джамбуле (древний Тараз); они принадлежали зданию дворца или замка VI в. Аналогичные диски найдены были А. Н. Бернштамом в Сукулукте, А. И. Тереножкиным — в Ак-тепе

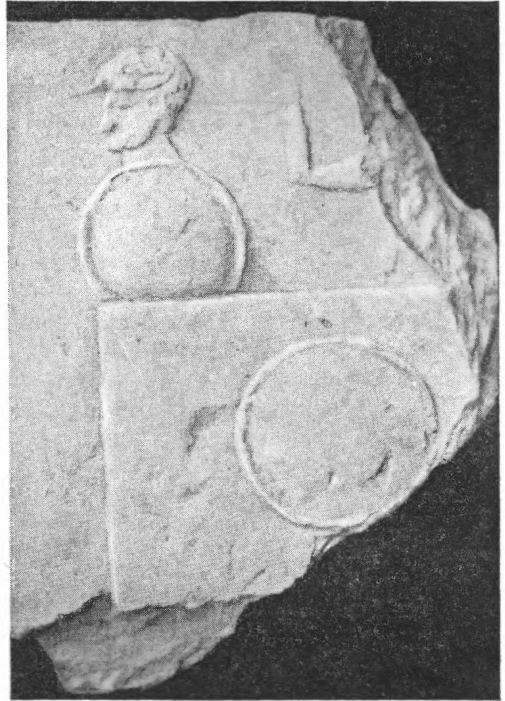

Рис. 3. Изображение на терракотовой плите из новой Нисы

под Ташкентом и т. д.¹ Представление о первоначальном размещении подобных дисков дает известное изображение замка на Аниковском блюде Гос. Эрмитажа: они оформляют здесь как бы фриз под зубчатым парапетом. Именно такое фризообразное размещение круглых орнаментированных дисков под зубцами отмечается в некоторых памятниках сасанидского зодчества: в памятнике Нарсе в Пайкули и стуквом декоре из раскопок Таки-Кесра². Приведенные примеры наглядно подтверждают, что, если уже в парфянскую эпоху крупные диски, имитировавшие умбоны, украшали участки стен, то позднее мотив этот приобретает чисто декоративное выражение, превращаясь в элемент архитектурного убранства верха стен, с утратой первоначального смыслового и магического характера.

Согласно данным ЮТАКЭ за 1947 и 1949 гг., повидному, парфянской в основе

¹ О применении и эволюции орнаментированных терракотовых дисков в архитектуре Средней Азии см. нашу статью: «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах». Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, стр. 16 сл.

² O. Reuther, Sasanian Architecture, I, 1939, fig. 144a, 145, стр. 522.

следует признать крепость Койне-Каахка, расположенную в 6 км от ж.-д. станции Каахка¹. Она соответствует упоминаемой Исидором Харакским Апаварктике, главному городу области Апаварктикены, непосредственно следующей в его дорожке за Парфиеной. Имеющая форму не вполне правильного четырехугольника (размеры длинных сторон — 700 и 650 м, коротких — 550 и 450 м), территория Койне-Каахки обведена мощной линией стен, сложенных из крупного кирпича «парфянского» стандарта. Стены фланкированы прямоугольными башнями на расстоянии 40—50 м друг от друга; особенно значительные башни размещены на углах крепости. На одной из стен, поверху наружного фаса, сохранились узкие стреловидные бойницы. В центре юго-западного фаса сохранились ворота, укрепленные двумя башнями. Внутри терри-

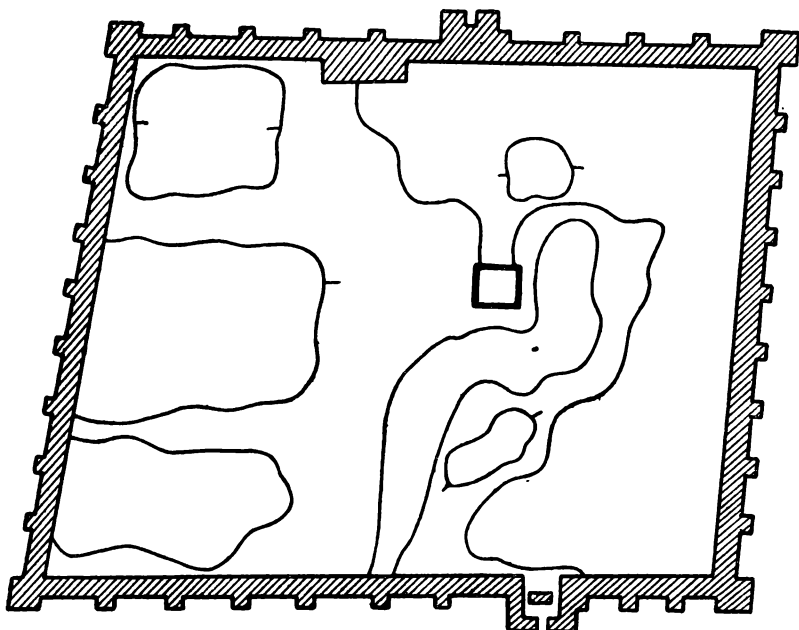

Рис. 4. Крепость Чильбурдж. План

тория частично содержит значительные вехолмления былых сооружений. Крупный холм высится у середины городища; видимо, это остатки замка владельца. Подъемный керамический материал дает формы, типичные как для парфянской эпохи, так и для последующего времени до VI—VII вв. н. э. Запустение крепости, видимо, связано с арабским завоеванием, после которого жизнь переместилась к западу, где начал слагаться средневековый Абиверд (чыне городище Пештаг).

Интереснейшим памятником поздне-парфянского строительства в Маргиане являются обследованные в 1950 г. развалины городища Чильбурдж в 40 км северо-западнее древнего Мерва. Зброшенное уже в древности, оно сохранило свои стены на высоту до 13—15 м. Крепость стоит на равнине. Она четырехугольна в плане (длинные стороны по 260 и 230 м, а короткие по 200 м). Стены фланкированы множеством башен. Расстояние между ними до 17—20 м, общее число достигает 39. Числу этих башен крепость обязана своим наименованием («Чильбурдж» — «Сорокабашенная»). Один из фасаов ее ориентирован строго по линии север — юг; три остальных несколько отклоняются от направления стран света. На двух фасах размещены ворота: в северном — посередине сте-

¹ Койне-Каахка обследовалась в 1928 г. Хаверанской экспедицией Туркменкульта. см. А. А. Семенов, Древности Абивердского района, Труды САГУ, сер. II. Orientalia, вып. 3, Ташкент, 1931, стр. 24—26.

ны, в южном — ближе к юго-восточному углу. Возможно, что так же, как на Старой Нисе, они функционировали в разные периоды.

В основании стен проходит высокая (7,70 м) платформа, сложенная из пахсы, с значительным откосом граней. Высота рядов пахсы — 90 см. У башен та же платформа выведена из пахсы на 5,20 м, а выше на 1,50 м сложена из сырца размером $36 \times 36 \times 8$ см. Кладка самих стен и башен осуществлена из квадратного сырцового кирпича, почти без откоса кладки. Башни шириной в 5 м выступают на 5,40 м из толщи стен. Углы крепости закреплены мощными квадратными бастиянами размером в основании до 14 м.

Отрезки стен между башнями включают внутрстенные проходы шириной 1,30 м, трижды уширяющиеся, наподобие небольших камер, предназначенных для стрелка; каждая из них имеет по бойнице. Внутрстенные проходы тянутся от башни к башне, в каждой из которых расположено узкое двухметровое помещение, перекрытое очень вытянутым эллиптическим сырцовым сводом — «отрезками». В каждой из трех сторон этого помещения имеется по одной бойнице. Все бойницы узкие, щелевидные, с сильно скошенной нижней гранью, рассчитанные на навесной бой.

Наружное оформление фасадов Чильбурджа исключительно интересно. Каждый участок стены между башнями снабжен двумя прямоугольными неглубокими нишами, которые в плане соответствуют коридорообразным отрезкам внутрстенных проходов, связывающих между собою камеры стрелков. Фактически число подлинных бойниц в межбашенном пролете стены ограничивается тремя. А между тем по фасаду их не три, а 17 (все остальные — ложные), притом расположенных в два яруса.

Совершенно оригинально архитектурное решение прямоугольных башен Чильбурджа. Они оформлены по каждой стороне тремя полуколонками, но не сближенными вплотную, как в «гофрированных» кёшках среднеазиатского средневековья, а разделенными незначительными промежутками. В ряде случаев в промежутках между двумя гофрами на боковых гранях башен расположены подлинные, идущие в плане несколько наискось, отвесные бойницы, через которые из внутрибашенной камеры осуществлялся обстрел; третья, настоящая бойница лежит обычно на оси средней гофры фасадной грани башни. Между тем число ложных бойниц на башнях не менее значительно, чем на стенах. Они также распределены в два яруса и размещены: по одной в межгофровых промежутках, по три на каждой полугофре, по четыре на каждой угловой гофре, имеющей сечение трехчетвертного столба. Всего, таким образом, на каждой башне по 31 бойнице, из них лишь три подлинных, остальные ложные. Все эти ложные бойницы стен и башен имели чисто психологическое назначение, создавая у врага иллюзию угрожающего ему сплошного обстрела из бесчисленных бойниц.

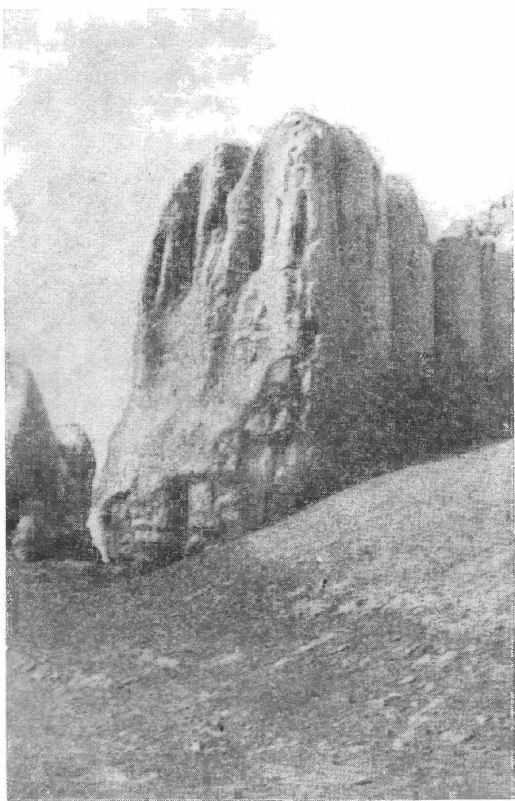

Рис. 5. Чильбурдж. Башня

Сооружения ворот выступают относительно стен на 15—18 м в виде мощных прямоугольных сооружений. Устройство южных ворот прослеживается довольно четко. Въезд расположен посередине предвратной постройки, пространство же внутри нее разгорожено отрезком поперечной стены, как бы создающей преграду движению и разделяющей его на два русла. Внутривратное пространство представляло, таким образом, отсек-ловушку, в которой прорвавшийся враг не смог бы свободно маневрировать, сам подвергаясь ожесточенной атаке защитников крепости.

Угловые бурджи имеют гладкие, с откосом кладки стены; на северо-восточной ясно видна как бы облицовка ее толщи дополнительной рубашкой — может быть, ре-

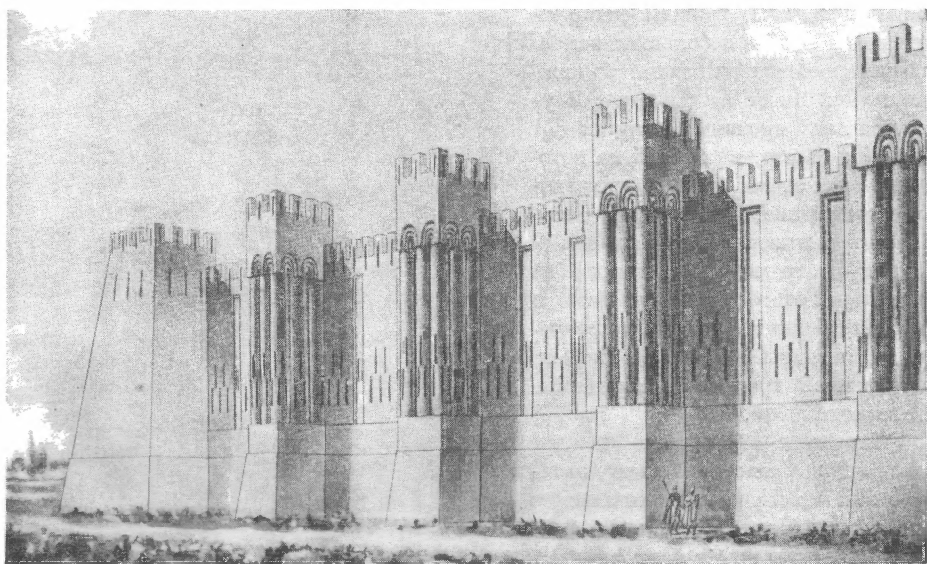

Рис. 6. Чильбурдж. Часть крепостной стены (реставрация)

зультат одной из обкладок, сопутствовавшей какой-то перестройке или ремонту. Планировка пространства внутри городища не могла быть уточнена во время разведки.

Вопрос о датировке Чильбурджа разрешается на основании подъемного археологического материала. Основная насыщающая его керамика безглазурная, сделанная на гончарном круге, типологически близкая к той, которая вскрыта была в 1950 г. на Гяур-кале (античный Мерв) в слоях II—III вв. н. э. Из четырех поднятых на Чильбурдже медных монет три оказались парфянскими, притом позднего чекана. Ту же дату дает плоская женская терракотовая фигурка «Анахиты-Нанайи» в характерном платье, украшенном множеством круглых бляшек, — тип, который широко представлен находками на Гяур-кале¹. Итак, Чильбурдж — памятник поздней Парфии (II—III вв. н. э.), видимо, существовавший еще в IV, может быть, даже в V вв., в период кризиса и крушения рабовладельческого общества в Южном Туркменистане. Этот кризис протекал в рамках сасанидского государства и имел последствием, как и в других районах Средней Азии, упадок ирригационных систем и сокращение земледельческих областей, когда Чильбурдж остался в зоне надвигающихся песков.

С точки зрения архитектурной Чильбурдж исключительно интересен. Сохраняя традиционный для парфянского крепостного строительства характер стен, фланкированных часто расположенными башнями, и принцип антично-среднеазиатской форти-

¹ См. Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, I, стр. 344 сл.

фикации ворот в виде выдвинутого предвратного сооружения с усложненными коленчатыми проходами внутри него, Чильбурдж дает самый ранний пример использования специфической для среднеазиатского средневековья «гофрировки» стенных поверхностей.

Парфянские крепости Южного Туркменистана — выразительные памятники местного самобытного зодчества. В них виден процесс развития фортификационного искусства, выработавшего своеобразные принципы, связанные с особенностями как природных условий, строительных материалов, уровня техники, так и того социального уклада, в рамках которого эти крепости были созданы. Памятники эти побуждают нас вспомнить пророческие слова академика В. В. Бартольда, сказанные им около 30 лет назад в его полемике с Герцфельдом и Сжиговским: «Пока не найдено никаких парфянских или сакских сооружений на родине этих народов, трудно было бы объяснить происхождение тех памятников, которые были сооружены при Аршакидах в завоеванных ими областях, и тех черт, которыми эти памятники отличаются от ахеменидских»¹. Памятники Южного Туркменистана, созданные исконными парфянами на их родине, объясняют многие принципы западнопарфянского крепостного строительства, сохранные здесь, несмотря на близость римских границ и знакомство с римской строительной культурой. Так, стены Хатры² и первоначальные стены Дура-Эвропос³ выстроены из битой глины и сырцового кирпича на глиняном растворе, а не из камня на известковом растворе. Башни их размещены на коротких отрезках и имеют прямоугольную форму, в то время как уже в трактате Витрувия (I, 5, 5) настоятельно рекомендуется строительство башен полукруглых, как более рациональных. Стреловидные бойницы, широко представленные в архитектурном декоре парфянских сооружений Ближнего Востока, в стенах Гяур-калы и Старой Нисы имеют свой конструктивный прообраз. Архитектурное решение Чильбурджа является прототипом сырцовых стен и башен Истахра (первая половина III в. н. э.), своеобразный характер которых привел Э. Герцфельда к заключению об отсутствии аналогий для этой постройки раннесасанидского времени⁴.

Нет сомнений, что разгадка многих явлений парфянской художественной культуры лежит в областях коренной Парфии. Исследования, проводимые ЮТАКЭ на территории Южного Туркменистана, ежегодно подтверждают это на новом и новом вещественном материале.

Г. А. Пугаченкова

ХЕРСОНЕССКИЕ ВИНОДЕЛЬНИ

В 1947 г. в Херсонесе были открыты две винодельни, относящиеся к первым векам нашей эры. Это первые винодельни, засвидетельствованные археологическими исследованиями в самом городе. До сих пор были известны лишь отдельные тарапаны — плиты с желобком по краю и со сливом на одной стороне, из окрестностей Херсонеса, на Гераклеийском полуострове, а также с берегов Стрелецкой и Камышевой бухт, Херсонесского мыса (раскопки Н. М. Печенкина в 1910 г.⁵), балки Бермана. В этой балке в 1928—1929 гг. было найдено несколько тарапанов, один из которых имел вид длин-

¹ В. В. Бартольд, Восточноиранский вопрос, ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 36.

² См. G. Rowlinson, The Sixth Great Oriental Monarchy, L., 1873, стр. 374.

³ См. A. von Gerkan, The Fortifications, Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of the 7—8 th Seasons of Work. New-Haven, 1939. Обладка сырцовых стен и башен Дура-Эвропос камнем имела место лишь в конце I в. до н. э.

⁴ E. Herzfeld, ук. соч., стр. 276.

⁵ ИАК, вып. 42, стр. 111, рис. 1.